

HSSB721: Peerless Infinity of Primordial Beginning, единственный в своем роде.

До того, как Янь Чжаогэ пришел в Зарубежные Миры, у него уже было предчувствие этого.

Поскольку их наследие было сохранено более полно, и даже некоторые специалисты, пережившие Великое бедствие, возможно, присутствовали, то знания и проницательность пиковых фигур за пределами миров были далеки от того, чтобы сравнивать их с Восемью Мирами Окончаний.

Когда Янь Чжаогэ раскрыл тайну высших боевых искусств, которые он получил в Божественном Дворце Небесного Двора во времена, предшествовавшие Великой катастрофе, кто-нибудь может узнать их здесь, в Мирах за пределами миров.

Приехав сюда, он постепенно доказал, что его прежние предчувствия верны.

Тем не менее, у Янь Чжаогэ было много способов справиться с этим.

Циклическое Небесное Писание было спрятано Небесной Широкой Символической Пальмой, вариации, происходящие тайно и в мгновение ока во время битвы, сразу же после этого исчезают.

Меч Бессмертного Завершения имел бесчисленное множество вариаций. До тех пор, пока кто-то управлял им должным образом, он не был похож на то время, когда он убил группу Нонг Юйсуань, где он был так легко распознан.

Сравнительно говоря, бесподобное Небесное Писание было менее легко скрыть.

Однако теперь, когда у него было Дим Сияние Двенадцати Искусств, ситуация значительно улучшилась.

Поэтому Ян Чжаогэ очень заинтересовался "Дим лучистые двенадцать искусств".

Несмотря на то, что он был скуден, будучи в состоянии постичь истинное намерение бесконечности, "Дим лучезарный император действительно был героем своего времени", - ударил Ян Чжаогэ по губам, - "Но именно из-за этого он заблокировал свой собственный путь вперед".

Бесконечность была еще до того, как начальный "один", будучи началом начала, а также концом конца.

Повелитель Изначального Начала был единственным в своем роде. Подобным же образом бесконечность была и бесподобной.

Второй отрывок Изначального Небесного Писания, Изначальное Небесное Писание, мог быть культивирован только одним человеком до момента его полного завершения. Бесподобное Небесное Священное Писание позволяло культивировать в нем, в первую очередь, только одному человеку.

С древнейших времен и до наших дней не только Цыганский Сияющий Император Инь Тянься обладал способностью постигать истинное намерение бесконечности.

Однако все они без исключения отказались от этого пути.

Это произошло потому, что Бесподобное Небесное Писание уже было на пике своего развития.

И хотя дело не в том, что вещи будущего никогда не смогут превзойти того, что было в прошлом, и путь поиска дау всегда продолжался, проблема состояла в том, что Господь Изначального Начала уже успешно преодолел этот путь.

Это доказало, что он практически уже полностью преодолел путь, по которому шел.

Если бы люди хотели идти по тому же самому пути, то в результате он становился все теснее и теснее до тех пор, пока, в конце концов, пути больше не существовало. В конце дня все равно пришлось бы возвращаться к Бесподобному Небесному Писанию.

Янь Чжаогэ не знал, осознал ли это Инь Тянься. Осознав истинное намерение бесконечности и создав Дим Сияющие Двенадцать Искусств, превзошедших Дим Сияющие Писания прошлого, он поднял себя и Дим Сияющие Секты на беспрецедентную высоту.

Однако, если бы ему не удалось найти другой путь и перепрыгнуть через это препятствие, эти высоты стали бы его конечной точкой.

Никто не мог знать наверняка, о чём именно думал прошлый Инь Тянься.

С его ранней смертью в расцвете сил все его будущие возможности ушли в небытие.

Янь Чжаогэ проанализировал Дим Сияющие Двенадцать Искусств, подтверждая это Бесподобным Небесным Писанием, как бесчисленное множество мыслей вспыхнуло в его сознании.

В любой момент времени мог быть только один человек, который культивировался в бесподобном Небесном Писании.

После того, как один человек достиг изначального понимания Небесного Писания и встал на

правильный путь, начав культивировать в нём, даже если бы другие знали о его существовании, он мог только смотреть и восхищённо вздыхать.

Когда в том году он решил культивировать это место как свое основополагающее боевое искусство, чтобы закрепить свою базу для возделывания, вернувшись в мир восьми конечностей, он тоже обрадовался тому факту, что это место было пустым.

В конце концов, с прошлых дней и до наших дней, Писание Небесное всегда было одним из лучших боевых искусств. Иногда, в некоторых сценариях, "одно из" даже могло быть удалено из этого.

Тем не менее, он задавался вопросом, есть ли тогда другие, у кого есть намерения в этом мощном боевом искусстве?

Понимал ли только он суть бесподобного Небесного Писания в этом мире?

Он не слышал, чтобы кто-нибудь культивировал в Безупречном Небесном Писании в предрассветные времена...

Кажется, здесь что-то не так.

Янь Чжаогэ сидел в медитативном положении на земле и размышлял о том, как он беззвучно распространял свою базу для выращивания.

Свет, наполовину яркий и наполовину дикий, наполовину белый и наполовину черный, постепенно появлялся на его теле. Как будто размытое сияние, которое не было ни ярким, ни тусклым, окутывало все его тело.

Имея за основу бесподобное Небесное Писание, Ян Чжаогэ культивировал в Дим Сияние Двенадцати Искусств намного легче и быстрее, чем кто-либо другой.

Остановившись в своих мыслях и пробудившись от раздумий, Янь Чжаогэ увидел, как Панпан уже с радостью ленился среди горы сокровищ, а А Ху с радостью улыбался, пока даже зубы его не заметили, как он сжимал кучу редких, драгоценных Зеленых Глубоких Золотых Листов.

"А?" Ян Чжаогэ вдруг почувствовал любопытство. Разве молодая, жадная девушка не попала в их команду?

Судя по его предыдущим впечатлениям от нее, она должна была логически погрузиться головой в кучу сокровищ, как это было у Пан-Пана.

Где она была?

Крутя голову и видя её, Ян Чжаочжэ очень чуть не рассмеялся вслух.

Он увидел Сяо Ай, стоящую сейчас возле Фэн Юншэна, когда она нервно смотрела на нее.

Фэн Юншэн не чувствовал себя неловко, когда её оценивали по достоинству. Вместо этого она улыбалась, её интерес, казалось бы, разгорелся, когда она вернула взгляд Сяо Ай.

В конце концов, именно Сяо Ай не могла удержаться, так как нервно перебежала обратно на сторону Янь Чжаогэ и спросила его: "Молодой господин, молодой господин! Этот человек... этот человек не должен... она не должна..."

Ян Чжаогэ случайно спросил: "Что не должно быть?"

Сяо Ай скрипит зубами, прежде чем спросить затихшим шепотом: "Она не должна быть молодой госпожой, верно?".

Янь Чжаогэ улыбнулась, взглянув на Фэн Юншэна: "Почему ты спрашиваешь об этом? Где твои доказательства? Должны ли все путешествующие пары быть парами?"

Фэн Юншэн проявил такой же интерес, любопытно, как отреагирует Сяо Ай.

Губы Сяо Ай дёрнулись, когда она раскрыла выражение, словно она была на грани слез: "То, как она смотрит на тебя, совсем другое! Что еще важнее... то, как молодой господин смотрит на нее, тоже по-другому!"

Ян Чжаогэ и Фэн Юншэн смеялись, услышав её слова.

Сяо Ай чуть не обняла бедро Янь Чжаогэ, и она завопила: "Вы не можете так поступить, молодой господин! Такая красивая и выдающаяся фигура, как вы, должна преодолеть поляну из десяти тысяч цветов, не запятнанную ни одним лезвием травы!"

"Молодой господин, не ищите молодую госпожу, ладно? Холостяк - это совершенство!"

Янь Чжаогэ не знал, должен ли он смеяться или плакать: "Из того, что ты говоришь, я должен быть холостяком навсегда?"

Сяо Ай жалко смотрел на Янь Чжаогэ, многократно кивая.

Чувствуя себя раздражённой и в то же время забавной, Янь Чжаогэ просто щелкнула её лбом.

Фэн Юншэн не мог не улыбнуться.

Сяо Ай с пренебрежением сказал: "Молодой господин, теперь, когда у вас есть молодая госпожа, эта горничная должна будет понизить вас с А+ до просто А...".

Янь Чжаогэ не мог не улыбнуться: "Не будь таким! Давай обсудим это немного. Тебе следует подкорректировать свой ориентир соответствующим образом. Твой оригинальный просто совсем не гуманный!"

А Ху скрутил глаза, когда он заскочил перед Янь Чжаогэ, тайно спросив его: "Молодой господин, разве госпожа Фэн уже не вместе с вами? Ты её уже съел?"

Ян Чжаогэ хихикал: "Еще нет. По сравнению со мной, её тело и кости сейчас немного слабы. Они бы не выдержали."

Фэн Юншэн не показалась взволнованной, как она улыбаясь сказала: "Большое спасибо за внимание".

Их отношения перестали быть прежними, Янь Чжаогэ уже мог быть очень откровенен со своими словами.

Он оценил Фэн Юншэн, прежде чем улыбнуться довольно грязно: "На самом деле, может быть много других способов".

Фэн Юншэн закатила глаза отчаянно: "Например?"

"Например..." Ян Чжаогэ затянул свои слова, подкрадываясь к Фэн Юншэн, и в конце концов решил не заходить слишком далеко, так как его взгляд сместился вниз и, наконец, приземлился на ее руки.

Фэн Юншэн выпорол ей зубы в улыбке, хихикая: "Ладно, ложись".

Ян Чжаогэ хихикал: "Расслабься, я буду хорошо лежать в форме '□' для тебя и позволю тебе делать все, что ты захочешь".

Фэн Юншэн был взволнован: "Это должна быть форма '□', верно?"

Через мгновение она отреагировала, положив руки на талию и сказав: "Тогда это будет форма '□'".

Теперь пришла очередь Ян Чжаогэ: "Есть ли огромная разница между '□' и '□'?"

Улыбка Фэн Юншэна содержала в себе редкий шарм: "Так называемая форма '□' до сих пор

прикреплена к вам, в то время как форма '□' сломала ее. Просто случайно поместить его где-нибудь между ног - это прекрасно".

Ян Чжаогэ, "..."

<http://tl.rulate.ru/book/1023/895410>